

З. Х. Травило

Н О М О Navicus, человек флота

Часть первая

Морские истории и байки

З. Х. Травило

**НОМО Navicus, человек
флота. Часть первая**

«Горизонт»

2012

Травило З. Х.

НОМО Navicus, человек флота. Часть первая / З. Х. Травило — «Горизонт», 2012 — (Морские истории и байки)

ISBN 978-5-7996-0700-5

В этой, с позволения сказать, книге, рассказанной нам З. Травило, нет ничего особенного. Это не книга, а, скорее всего, бездарная запись баек и случаев, имевших место быть. Безусловно, наглость З. Травило в настойчивом предложении себя на рынок современной работорг...ой, литературы, не может не возмущать цивилизованного читателя, привыкшего к дамским детективам, дающим великолепную пищу для ума. Или писал бы, как все, эротические рассказы, все интереснее. А так ни тебе сюжета, ни слезы, одно самолюбование. Чего только отзывы (наверняка купил) стоят! Впрочем, автор и не скрывает, что задействовал связи и беззастенчивый блат для издания своих пустых рассказней. Увы, все нынче покупается и продаётся. Рекомендуем категорически не трогать руками эту пошлую книжонку, спрятать ее от детей, сжечь не читая, купить и выбросить в ближайшую урну. И плюнуть ей вслед. Краткие сведения об авторе: подозрительная и сомнительная личность. Книга содержит нецензурную лексику.

ISBN 978-5-7996-0700-5

© Травило З. Х., 2012

© Горизонт, 2012

Содержание

Часть первая	5
Отзывы	6
Тореадор, смелее в бой!	8
Настоящий комбриг	13
Голь	18
Ода (или «О, да!»)	22
Диверсант	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

З.Х. Травило

Номо Navicus, человек флота

Часть первая

Наш ответ Травило.

В этой, с позволения сказать, книге, рассказанной нам З.Травило, нет ничего особенного. Это не книга, а, скорее всего, бездарная запись баек и случаев, имевших место быть. Безусловно, наглость З. Травило в настойчивом предложении себя на рынок современной работорг...ой, литературы, не может не возмущать цивилизованного читателя, привыкшего к дамским детективам, дающим великолепную пищу для ума. Или писал бы, как все, эротические рассказы, все интереснее. А так ни тебе сюжета, ни слезы, одно самолюбование. Чего только отзывы (наверняка купил) стоят! Впрочем, автор и не скрывает, что задействовал связи и беззастенчивый блат для издания своих пустых рассказней. Увы, все нынче покупается и продается. Рекомендуем категорически не трогать руками эту пошлую книжонку, спрятать ее от детей, сжечь не читая, купить и выбросить в ближайшую урну. И плюнуть ей вслед.

Краткие сведения об авторе: подозрительная и сомнительная личность.

Группа критиков.

ОТЗЫВЫ

«Ай да Травило, ай да сукин сын!» А. Пушкин

«Какое счастье, что я убил Джульетту раньше. Травило наверняка отбил бы ее у Ромео, изнасиловал, а потом бы бросил. Простите, отвлекусь, кажется, только что родился сюжет новой пьесы...» В. Шекспир

«Конечно, это не тот великий и могучий русский язык, как у меня в «Войне и мире», но искушенному уму эти записи если не принесут пользы, то и не навредят» Л.Толстой.

«Здесь мало кораблей, но много морской соли и ветров. Вырос Максимка!» К. Станюкович.

«Рассказам не хватает спокойной рассудительности и глубины, неожиданной любви и трагизма, вызванного ею, надрыва в диалогах... Все слишком просто. На уровне гения...» В. Набоков.

«Все успешные писатели похожи друг на друга. Травило выпал из общей серой массы на обочину современной литературы. И обочина стала главной дорогой». И. Ильф, Е. Петров.

«Мы с Травило черпали вдохновение в сходных условиях, ведь Камчатка и Сахалин почти рядом. Отсюда и проистекает его неистовый литературно-художественный успех». Ф. Достоевский.

«Легкость сочинения сравним с прыжками сазанчика по воде, когда он добывает себе пропитание в погоне за мухами. Чтение интересное, но в прыжках сазана пользы для желудка больше. Травило печется лишь о насыщении ума, упуская практическую выгоду». К. Прутков.

«Эту ересь читать нельзя! Ей можно только зачитываться, однозначно!» Мнение Госдумы.

«Тихо роптала река,
огибая подножье вулкана:
Видно, Травило прошел:
Даже вулкан не дымит...

Старый чабан зарыдал,
Пастбище взглядом окинув:
Даже трава не растет,
Видно, Травило прошел...

Рукопись бросив в огонь
Плакала Дарья Донцова:
Не о чем больше писать,
Если Травило пришел...

Химик глотнул кислоты,
С жизнью никчемной
прощаясь.
Что остается ему,
Если Травило пришел?

Песню прервал соловей,
Слушая байки героя,
Рыбки застыли в пруду-
Люди, Травило пришел!

Юноша, книгу открыв,
Чресла оставил в покое,
«ЭТО» не нужно ему,
Если Травило пришел.

Гениев в прах разгромив,
Глыба восстала из пепла...
Что ж, трепещи, литератор,
Захер Травило пришел.

Музы избранник, герой,
Новое прозы светило,
Спросите Вы – кто такой?
Это – писатель Травило».

(Прошу прощения, подпись неразборчива, то ли Гомер, то ли неизвестный японский поэт XIV века, закорюка какая-то стоит, и размер стиха сомнительный, а деньги-то взял...)
Комментарий З.Х. Травило.

Тореадор, смелее в бой!

Фамилия старлея была Соловьев. Он переживал в звании уже полтора года. Это несколько раздражало и отнюдь не грело сердце. Хотелось обмануть злодейку-судьбу каким-нибудь героическим подвигом. Но совершить подвиг начальнику продовольственной службы бригады подводных лодок достаточно проблематично. Что героического может быть в выписке накладных и выдаче пайков?

Конечно, можно было бы нагло сожрать накладные на глазах изумленного японского или американского десанта, скрыв таким образом численность бригады. А потом принять героическую смерть от супостата и быть отмеченным и причисленным к сонму героев.

Посмертно. Но это, во-первых, не привлекало. Во-вторых, десант не проявлял желания нападать и высаживаться.

Оставалось одно – надеяться, что начальство вспомнит и вручит вожеленный приказ.

Однако время шло, начальство не вспоминало, а груз взысканий, которых достаточно у любого уважающего себя офицера, не просто рос, а уже давил к земле и заставлял сутулиться.

Но! Судьба благосклонна к терпеливым.

– Товарищи! Сегодня мы успешно прошли 12-ю проверку из Москвы за этот месяц.

Одно плохо – икра кончилась. У кого есть? – спросил начпо на очередном внеочередном совещании. Тишина оглушала. Молчали «штабные», молчали командиры и замы подводных лодок. Молчали даже помощники, у которых обычно есть все. Москва за предыдущие 11 проверок съела и увезла все. В воздухе явственно запахло скандалом. Этот запах очень похож на запах маленького жучка – его в простонародье называют «американская вонючка». «ВЫ ЧЁ! ЕБТЬ!» – включился комбриг. Он выходил свое контрадмиральское звание в бесконечных походах в отдаленные точки мирового океана и был чужд дипломатии.

Это про него ходили ужасные слухи в рядах американских моряков. Якобы, бродит в водах Тихого океана дизельная подводная лодка, на борту которой суший зверь. Он небрит, грязен, с полотенцем вокруг шеи – чирьи замучили, – и к тому же туг на ухо. На любое проявление морской солидарности при встрече в море у этого монстра один ответ: «Боевая тревога! Торпедная атака!»

Однажды американский фрегат и лодка с комбригом на борту находились в море в непосредственной близости, так, что морды вероятного противника можно было рассмотреть до таких деталей, как прыщи и прижженные квасцами бритвенные порезы. Командир фрегата тактично разглядывал Чудо-юдо, появившееся на мостике русской субмарины. Чудо-юдо яростно и молча сверлило его глазами. Вынести такой взгляд могут разве что лодочные химик или доктор. Они закаленные.

Командир фрегата не выдержал, робко взмахнул рукой и неуверенно произнес: «Хелло!»

Комбриг повертел головой, осматриваясь, никого не нашел (сигнальщик прятался за устройством работы дизеля под водой, т. н. «шнорхелем»), и сурово спросил американца: «Это я – х... йло?»

На мостик выбрался старпом лодки в таком же виде, что и комбриг – без знаков различия на плечах и шапке без «краба».

Командир фрегата растерялся вконец и подписал себе приговор. Он еще шире улыбнулся голливудской улыбкой на все тридцать два зуба и крикнул: «Хелло, рашен!»

– Товарищ комбриг, вы слышали – х...во покрашен, – возмутился старпом.

– Перед походом красились.

Комбрига больше возмутила голливудская улыбка – у него от большинства зубов, благодаря отечественной стоматологии и лодочной пище, остались гнилые корешки.

– Боевая тревога! Торпедная атака! – взревел комбриг.

Командир фрегата понял все кожей, а не ушами, изменился в лице и фрегат по его команде бросился наутек.

– Обосрался, супостат, – констатировал, почесываясь, комбриг и спустился в центральный.

И вот сегодня эта живая легенда просила помощи у него – старлея Соловьева!

– У меня ... есть, – прошелестел Соловьев враз пересохшим от такой удачи языком.

– Сколько? – вступил начпо.

– Две банки, – доложил Соловьев и после паузы добавил: – Трехлитровых -Неси! Бегом!

И он побежал.

Надо сказать, что поселок был невелик: пять домов да три казармы. Женатый народ жил у нас в домах, а неженатый – в «чудильнике».

Так называлось офицерское общежитие, где коротали ночи молодые лейтенанты и мичманы. Много чудес видели его стены. Иногда лейтенанты на пару ублажали жену какого-нибудь командира БЧ, находившегося в море. Иногда этот же командир сначала бегал с кортиком за этими лейтенантами по трем этажам, а потом пил с ними «мировую», кляня женское непостоянство и всю их подлую природу. Гарнизон был дружный, почти все общее.

Иногда здесь пытались убить призового поросенка, но не ножом -подводники люди сентиментальные и не живодеры, – а с помощью взрывчатки или стрельбы из табельного пистолета. Как правило, животное не страдало и, с визгом выпрыгнув в окно или дверь, возвращалось на родное подсобное хозяйство. Дырки от пуль в стенах, копоть от взрыва ликвидировала стройбригада береговой базы, попутно вставляя выбитые стекла. Раны лечили медики, не сообщая об этом в гарнизонный госпиталь. Клятва Гиппократы, сами понимаете, не противоречит круговой гарнизонной поруке.

Кстати, кроме свиней, в подсобном хозяйстве были и коровы. Семьи с малолетними детьми получали молоко даже в пургу, когда к нам не ходил транспорт «Авача» с продовольствием и в магазине не было ничего, кроме кукурузного крахмала.

Стадо в пятнадцать голов водил по поселку огромный племенной бык Васька. Коровы повсюду оставляли круглые лепешки, и мат в них вступивших довольно часто звучал на улицах поселка. Некоторые подводники возвращались домой «на автомате». Это когда голова уже не соотносает ничего от огромного количества употребленного спиртного, а ноги идут в нужном направлении. Лепешки играли подлую и коварную роль противопехотных мин. Правда, ноги и руки оставались целы, однако и так неважное равновесие убивалось наповал. Для человека, который в этот момент был не гомо сапиенсом, а гомо автоматикусом, так как мозг в процессе ходьбы не участвовал, это было равносильно контрольному выстрелу в голову. Раздавалось мощное, а иногда и дохлое восклицание «хе!ккк...», звук падения «тяжелого тупого предмета», как пишут в милицейских протоколах, и всякое движение прекращалось.

Упавшие в лепешку лицом, как правило, не матерились, а по-детски мирно засыпали в тепло. Страдали, правда, те, кому приходилось доставлять тела домой, и жены, эти тела обмывающие. Хуже всех, конечно, было их соседям по комнате в «чудильнике». Здесь тело, пришедшее в себя, только утром смывало заскорузлый навоз с физиономии. А в комнате так воняло хлевом, что хотелось замычать самому.

Соловьев вбежал в подъезд, пульей метнулся на второй этаж, схватил по банке икры в каждую руку и скатился по лестнице. Дверь подъезда, даже при сильном нажатии плечом, не открывалась. Соловьев приналег покрепче, упираясь ногой в косяк изо всех сил, и протиснулся в щель.

На крыльце стояла корова, увлеченно удобряя бетон прямо под козырьком подъезда. Ее глаза были задумчивы и грустны. Соловьев ухватил банки покрепче и совершил роковую ошибку. Он с размаха, со всей силы наподдал ногой по тощему коровьему заду!

Корова, жалобно мукнув, соскочила с крыльца. Но это «му» было не жалобой боли, а вскриком оскорбленной самки. Соловьев понял это, когда огромная туша Васьки с разгона пригвоздила его к двери. Слава богу, старлей был поджар и застрял МЕЖДУ рогами.

Бык разошелся не на шутку. Он яростно старался поддеть обидчика кончиком рогов, но Соловьев был начеку и вертелся как уж.

Далее события развивались стремительно. Васька, не достав врага, мотнул головой снизу вверх и располосовал штанину Соловьева по шву снизу до самого паха, трепетно остановившись в полутора миллиметрах от мошонки. Пожалел, видимо, неразумного.

Соловьев, почувствовав боль и теплую струйку крови, побежавшую по ноге, тоненько завизжал и разбил на голове у быка банку икры. Пока бык, тряся башкой, избавлялся от соленой жижи, попавшей в глаза, старлей, нырнув под рога, бросился бежать. Он бежал очень быстро, продолжая визжать (тоненько), прижав к груди ПОСЛЕДНЮЮ БАНКУ ИКРЫ В БРИГАДЕ и оставляя за собой икорный след. Васька бежал по этому следу как собака-ищейка, опустив голову, раздувая ноздри и издавая страшный рев.

Коровы, продолжали жевать жвачку и томно следили за ходом погони.

Соловьев, в силу своей худобы, явно лидировал. Он прижимал к груди банку с икрой, прижимал, как знамя части, как мать прижимает дитя. Вид забега портила резво мелькающая голая нога и парусом раздувавшаяся где-то сзади распоротая штанина. Гонка закончилась у дубовых дверей пищеблока, которые Соловьев успел закрыть перед носом Васьки. От удара задрожали стены, но дверь выдержала.

Утерев пот, заливший глаза, рукавом шинели, старлей обессилено сполз по стене.

Ноги не держали, все тело била нервная дрожь. Особенно рана беспокоила. А вдруг, гад, самое драгоценное повредил? Однако осмотр и прощупывание успокаивали.

За дверью столовой продолжал бесноваться Васька, во всю мощь своих бычьих легких излагая Соловьеву, что он с ним сделает, когда поймает. Свои угрозы он подкреплял мощными ударами в двери. Дрожало все здание. Показав быку дулю в качестве компенсации за пережитый ужас, старлей нашел путь отхода. Все-таки он был намного умнее быка.

Выбравшись через окно и в обход продравшись через стланик, Соловьев добрался до штаба и ворвался в кабинет комбрига.

– Вот! – поставил он на стол банку икры.

В кабинете было человек семь: проверяющий из Москвы, лощеный, упитанный и чистенький капраз, комбриг, начпо, начштаба, секретарь парткомиссии и мелкие штабные. Все воззрились на это нагло заявленное «вот».

Со стенок банки на полированную столешницу стекали медленные грязно-бело-красные потеки, расплываясь на полировке и превращаясь в безобразные лужицы. То ли сперма с кровью, то ли клей БФ с клюквой...

Такие же лужицы обозначили периметр шинели Соловьева. Икринки сначала скапливались на выпуклостях лейтенантского тела, а затем, набрав критическую массу, нежно, с сочным шлепком ложились на паркет. Безобразные пятна слизи, еще недавно бывшие деликатесом, пропитали черное сукно шинели и распущенную штанину, превратившуюся в бесформенный грязный жгут.

Особенно не по-уставному выглядела бледная, голая волосатая нога с кровоточащей царапиной с внутренней стороны. Зрелище было прегадкое. Первым пришел в себя проверяющий. Брезгливо пожевав губами и сложив их в трогательную обиженную трубочку, он вопрошал вдруг ставшим тонким голоском:

– А где же вторая банка?

Дело в том, что москвичам, проверяющим готовность ВМФ к ведению боевых действий, приходилось делиться итогами командировки с начальником, с кадрами, с коллегами.

Одной банки явно не хватало. Себе не оставалось. Это было серьезно.

Проверяющий уже начал искать справку по бригаде, чтобы восстановить часть найденных замечаний, вычеркнутых в честь икры.

Комбриг и начпо первыми поняли возможные масштабы происходящей трагедии.

Прощай, Академия Генштаба, прощай перевод в советскую Европу – Прибалтику.

– Соловьев! – голос комбрига заставил дрожать стекла. – В санчасть, быстро, на перевязку.

– И новенькую фельдшерицу пришли, пусть зайдет, – все же он был мудр, наш комбриг.

Фельдшерица появилась через секунду после этих слов. Еще раскаты эха блуждали по кабинету, а она тут как тут. Мистика! Правый рукав халата у нее был закатан до плеча – она была акушером и, очевидно, только что прервала осмотр очередной подводничкой жены. Пока воображение присутствующих дорисовывало соблазнительные картины, вызванные этим закатанным рукавом (флагманский штурман даже прикрыл глаза и затряс головой, отгоняя навязание), комбриг что-то шепнул ей на ухо. Кивнув и забрав со стола банку с икрой, она удалилась.

Через несколько минут опаснейшая ситуация была гениально разрешена. Дело в том, что только в санчасти можно было найти баночки из-под майонеза. Для чего они там использовались, скромно умолчим. Но двенадцать баночек, горлышки которых были заботливо прикрыты воценой бумагой и перетянуты резиночками, а внутри светился, зернился и переливался нежным цветом рыбный деликатес, благотворно действовали на настроение москвича. Он опять стал благодушен и спрятал справку по бригаде. При такой упаковке икры хватало. На всех.

– Вот, чтобы, значится, удобней везти было, и вообще... – вступил начпо. Все закивали головами, делая вид, что упаковка икры в баночки для анализов – дело обычное. Такая вот фирменная бригадная упаковка. Проверяющий был зачарован содержанием и форму пропускал через него, а потому напрашивающихся аналогий не провел. Соловьев появился из санчасти с остекленевшими глазами и медицинской лопаткой в руке – он ею икру в эти баночки перекладывал. Бедняга был чем-то так потрясен, что порывался нарушить субординацию и произнести пару фраз без разрешения.

Из состояния грогги его вывел начштаба, объявив выговор за неопрятный внешний вид и выгнав из кабинета с обещанием потом разобраться.

Иногда неведение лучше знания. Фельдшерица появилась у нас недавно. До нее в лучших традициях домостроя к телам женщин гарнизона, особенно в вопросах гинекологии, врач-мужчины не допускались. На аборт, если позволяли срок и погода, бедняжки отправлялись в Петропавловск, в госпиталь. Те, кому не повезло, были вынуждены рожать.

И вот, наконец-то, появилась женщина-акушер. Все заинтересованные бросились в санчасть. Весь майонез с прошлого привоза продовольствия (ящик) был раскуплен. Баночки были чисто вымыты, а анализы сданы волнующимися от задержки месячных гарнизонными дамами. Других баночек не было. Кстати, именно во время перекладки «рыбных яиц» слесарь бер-

базы что-то ремонтировал. Воды в городке не было. Ни руки помыть, ни, совершенно верно, баночки.

Этим и объяснялось внезапное появление медработницы в кабинете комбрига. Жаловаться приходила. Так что, братцы, никакой мистики, суровая проза жизни.

А что же Соловьев? Да ничего особенного. Он почти не изменился. Ну разве что голова трястись начала да глаз левый подергивается. Доктор сказал, тик.

Но мы думаем, это от жадности. Простить себе не может ту банку, что быку об голову разбил, жлоб. На подсобном хозяйстве он не появляется – видно, боится не сдержаться, чтоб на быка не набросится. Так нет на Ваське той икры, и давно уже.

Правда, иногда, по пьянке, после второй бутылки, особенно если в компании есть женщины, он ставит ногу на стол, задирает штанину и демонстрирует длинный тонкий шрам на икре. И плачет. После третьей – расстегивает штаны, спускает их до тощих щиколоток и показывает, насколько бык не достал до «хозяйства». И снова плачет.

Его даже пару раз за это били. Во-первых, нечего ноги на стол громоздить.

Во-вторых, подумаешь, икра, нашел о чем плакать. И более ценное люди теряли, и ничего. Той икры в рыбе – как грязи, не стоит она офицерских слез. Вон Коля Бурысов трехлитровую банку спирта разбил, а как держится!

Бык Васька – тот молодец, обид не помнит, днями у соловьевского подъезда со всем стадом стоит. То ли извиниться хочет, то ли поиграть. Люди довольны, в городке чище стало – коровы-то от чудильника не отходят, а он на краю стоит. Только Соловьев недоволен – видите ли, неудобно ему каждый вечер домой через окно первого этажа лазить.

Ах, да. Если раньше мы его Соловьем звали, то теперь – Торедором.

Заслужил.

А звание ему через два месяца все же дали. Когда взыскание сняли за неопрятный внешний вид во время московской проверки. И в другую часть перевели, чтоб быка не раздражал. Хотя знающие люди говорят другое: чтобы про баночки не проболтался.

Настоящий комбриг

Наш комбриг был личностью легендарной не только на Камчатской флотилии, но и на всем Тихоокеанском флоте. А то и всем Военно-морском. Звание адмирала он заслужил честно, в морях выходил, а не по паркету вышаркал. С лодочного лейтенанта начал, лодочным адмиралом закончил.

Он был высок, крепко сбит, громогласен, пучеглаз и усат. Дипломатии чужд, в решениях скор, но справедлив. Командиры лодок, эти гарнизонные небожители, – особая каста в иерархии военного городка, его боготворили.

Распорядок дня его работы был своеобразен. Подъем в 10.00. Час на лыжах. Душ и подготовка к обеду, выражавшаяся в парочке рюмок коньяка. Обед и «адмиральский час». 16.00 – работа в штабе. 17.00 – прием вечернего доклада от командиров лодок и определение, у кого и в каком составе сегодня гуляют. 21.00 – 04.00 – гулянья, причем обязательно с песнями. 10.00 – подъем. И цикл начинался снова.

Конечно, он мог меняться в зависимости от обстоятельств, но ночная часть была почти нерушимой константой.

Он знал жизнь и людей.

Однажды, посещая подсобное хозяйство, адмирал заметил, что одна из свиней, не в пример другим, чиста и ухожена до безобразия, только что духами не пахнет. «Е...т он ее, что ли...» – риторически произнес адмирал и приказал установить наблюдение. Разведка донесла, что матрос-подсобник действительно использует свинью как любимую женщину.

Решению комбрига позавидовал бы и Соломон. На утреннем построении бригады в весьма крепких выражениях была дана оценка морально-политического состояния личного состава береговой базы, подкрепленная подробностями «свинского» сношения. Комбриг был мастером слова и не упустил ни мельчайшей детали. Это было устное учебное пособие по скотоложству. Считавшие себя искушенными в вопросах секса капитан-лейтенанты понурили головы, признавая неискушенность в этом вопросе. Седые старшие офицеры роняли скупые слезы, осознав, как много в этой жизни упущено и уже невозполнимо. Лейтенанты и мичманы целомудренно краснели, пытаясь представить процесс и себя в роли участников. Правда, их пыл был немедленно остужен кратким выступлением начальника медслужбы о передаче венерических заболеваний животными человеку, в частности возбудителя сифилиса – бледной спирохеты.

– А еще любимое животное может наградить вас глистами, особенно при поцелуях. В общем, двумя уколами бициллина не отделаетесь, – констатировал он.

Последнее замечание вызвало в последних шеренгах ожесточенную дискуссию.

Одни яростно доказывали, что бициллин все лечит. Другие – что доктор прав, два укола от глистов не помогут, надо минимум четыре.

Третьи спорили с четвертыми, когда нужно целовать животное – до или после, и не могли определиться. Пятые пытались узнать, что такое бициллин и где его взять.

Третьи спорили с четвертыми, когда нужно целовать животное – до или после, и не могли определиться. Пятые пытались узнать, что такое бициллин и где его взять. Штатные остро-словы-гаеры тут же объяснили молодым лейтенантам, что это неотъемлемая часть «личного набора офицера-подводника». Туда входят: упаковка презервативов, упаковка боевых шприцев с бициллином, 100 граммов спирта для дезинфекции, пластиковая мензурка, набор порнографических карт, русско-английский разговорник. Первые четыре позиции составляют повседневный комплект, а вкупе с двумя последующими – боевой. Повседневный получается по рапорту на имя начальника медслужбы бригады, до боевого пополняется по рапорту на имя начальника политотдела, как правило, перед выходом в море. В рапорте подробно указывается, для чего испрашивается каждая позиция. Например, карты – «для снятия напряжения в дальнем морском походе», разговорник – «для общения с женщинами легкого поведения в иностранном порту», ну а предыдущие – «для сохранения здоровья»

– Кстати, политотдел жметесь – в последнее время карты одни и те же выдает, мы уже к этим женщинам привыкли, как к женам ...

– Как всегда, все новенькое себе оставляют...

– А я вообще в прошлом походе бэушную колоду получил, отомстили за неготовность к политзанятиям, – пробасил кто-то и в подтверждение помахал в воздухе засаленными картами.

– Да и не хватить может перед походом-то. Я лично после построения пойду получать, да и вы, ребята, можете, по аттестату раз положено, пусть дают...

Волшебное слово «аттестат» сыграло свою роль. Еще в училище каждого курсанта инструктируют, что снабженцы часто не добавляют положенное по аттестату... (Тех, кто написал рапорта, потом проверяли на венерические заболевания. Другим, сделавшим заявку на «боевой» комплект, и шутникам в том числе, политотдел занес в личные дела такую инфекцию...).

Первая шеренга, лишенная возможности дискутировать, рыдала от смеха...

Смех перешел в конвульсии после: «Равняйся, смирно! Слушай приказ...»

Комбриг жестом остановил начальника штаба – и так все ясно, да и народ подзамерз. И выдал. Конгениальное:

– Приказываю: е...ря сослать на Шумшу, а его б... сегодня же зарезать!

Плац взорвался таким громовым хохотом, что контуженные вороны попадали с веток, в домах захлопнулись форточки, жалобно замычали коровы на подсобном хозяйстве, военноморской пес Шкентель укакался, а у жены минера с Б-33 преждевременно (на 2 месяца раньше) отошли воды.

– Не пойму, что здесь смешного, – обиженно сказал командир береговой базы, незаслуженно причислявший себя к бригадному начальству, потому считавший себя вправе подать голос на общем построении без разрешения.

– Мы и раньше непригодных к службе матросов отправляли на остров Шумшу...

После этого смех достиг силы ударной волны ядерного взрыва, лодки закачались у причалов, а люди начали падать на холодный, припорошенный поземкой асфальт и корчится, шевеля конечностями, как шевелит жук, перевернутый на спинку.

Приказ был выполнен.

Свинья оказалась на удивление вкусной.

Правда, на некоторое время экипажи лодок отказались от получения призовых поросят.

Есть такая, еще с войны, традиция. После успешной боевой службы или зачетных стрельб экипажу лично командир бригады вручает розово-золотистого, благоухающего, зажаренного до хрустящей корочки молочного поросенка.

Причину очень популярно раскрыл наш старпом:

– С-с-сука, а не матрос. Ну не могу я после него наших бригадных поросят жрать. Каннибалом себя чувствую...

Зато командиры лодок, очень не любившие командира береговой базы, получили убийственную аргументацию в опровержении его докладов о неубранной территории, пропаже вилок и ложек из офицерской столовой на столах такого-то экипажа.

– А у вас свиней е..., – говорили они, и тот замолкал. Комбриг посмеивался в усы.

Он тоже не любил выскочек.

Женился комбриг тоже оригинально. Дело в том, что, дожив до сорока двух лет и став адмиралом, он ни разу не осквернял себя браком. Как у всякого старого холостяка, у него были устоявшиеся вредные привычки. На выходные он летал в Магадан. Пить пиво.

В Петропавловске не было пивзавода. Пиво было деликатесом, как, скажем, икра на материке. Его привозили из Магадана в малых количествах. Очередь за пивом всегда сопровождалась в Петропавловске грандиозной дракой. Поэтому комбриг летал в Магадан. К истокам. Рейс был коротким. Экипажи самолетов знали пассажиров, а пассажиры – экипажи. Вылет после полудня, возвращение после полудня на следующий день. В бухте Завойко, в Петропавловске, всегда к этому времени стояла подводная лодка, готовая доставить комбрига в базу.

Но однажды в экипаже самолета появилась новая стюардесса, и бастион пал. Впрочем, неважно, кто первым пал, кто кого на себя затаскивал. Но явно не комбриг. Что его потрясло, так это высота, на которой произошло знаменательное событие.

Никогда он о личном не говорил.

А тут вдруг с задумчивым видом он начал спрашивать записных бригадных ловеласов, кто из них имел женщину на высоте 10 000 метров. Когда оказалось, что никто, комбриг женился. На этой стюардессе. Видно, потрясения пережить не смог. В этой подводной лодке она и прибыла.

Видно, много пива было выпито перед падением бастиона. Да и высота может подействовать неадекватно, если ты привык к глубине.

Наши женщины ее сразу невзлюбили. Ведь раньше как было: пора мужу в академию, на классы, на повышение, да и просто звание получить – знали, куда идти. Такса известная, да и не без приятности. А тут сложности, а вдруг новая глаза за комбрига выпарапает?

Однако обошлось. Жена-то не глупая оказалась, не видела, что не надо. Даже дружить с ней начали. Пока одна дружит, другая с комбригом кадровые вопросы решает. В общем, все тихо, по-семейному, как и должно быть в гарнизоне.

Иногда комбриг устраивал гарнизонным кумушкам семейную выволочку, чтобы они не забывались. Бербаза получала приказ: все неуставное, что будет найдено под окнами домов, а так же извлечено из забившихся труб и унитазов, сдавать в клуб.

Начальник клуба монтировал пару-тройку стендов, на которых размещал полученные предметы, снабжая их бирочками. А так как он был человек творческий и не чужд юмора, он эти бирочки детализировал.

Например: «Трусы женские, рваные. Дом 3, кв. 7. Карманова», «Вата использованная постменструальная. Дом 4, кв. 6. Воробьева». Презервативы висели гроздьями на одном гвоздике, но гвоздиков на стенде было много.

Комбриг собирал женщин в клубе, стенды выставлялись на сцене, и начиналось. Сначала в благопристойных тонах и по-доброму, по-отечески: «Дорогие женщины, подруги наши боевые...» Потом комбриг входил в раж, указкой приподнимал презервативы, зачитывая фамилию той, под чьим окном они были найдены. «А ведь лодка-то Вашего мужа была в море», – подводил он безжалостный итог. Женщина вскакивала и начинала верещать, что это под ее окно подбросила проклятая Людка, что презервативами они с мужем не пользуются, так как даже слово такое произносить стесняются в аптеке, а аптеки нет в гарнизоне, а...

Тут вскакивала Людка и переводила стрелки на Катьку, не забыв облить грязью предыдущую ораторшу. Начиная женский гвалт, который прекращался комбригом всегда одинаково: «Молчать, б... отродье! Вы, б... владивостокские, ленинградские, урюпинские и мухосранские, можете свою п... как хотите использовать, но матросов развращать не позволю! У них из-за вас и так после утренней приборки под домами головы назад закинута, з...лупа в подбородок упирается! Еще раз повториться с кем-нибудь, отправлю с мужем в Приморье!»

В Приморье не платили двойного камчатского оклада, и угроза была действительно страшной. Посему, чтобы упредить удар, обиженные женщины звонили командующему флотилией или ЧВСу и жаловались на грубость комбрига. Особенно неистовы в жалобах были прежние жительницы мухосранских: «Вы представляете, наши родные Петрицы он назвал Мухосранском! Как он может командовать бригадой и не знать географии! А презервативы не мои были, а Люськины... А еще он нас б... обозвал, а мы не такие...»

Командующий устало поднимал трубку и мягко журил комбрига: «Женщины говорят, ты их опять обматерил...»

В ответ раздавалось бодрое: «Пиз...т, товарищ командующий!»

С ЧВСом было сложнее. Комбриг вызывался в политотдел флотилии. «Член» (сокращенно-ласкательное от «Член военного совета») обращал внимание на необходимый такт в обращении с боевыми подругами, несущими нелегкую службу наравне с мужьями, подчеркивал, что на карте СССР нет города Мухосранска и люди справедливо обижаются за страну, и что долг начальника такого ранга – изжить мат из лексикона.

– Товарищ Член военного совета, я уже говорил по поводу жалоб этих б...й командующему, все галимый п...ж. По поводу мата – изживаю – после вашей беседы из меня матерное слово х...й не вытянешь. А с Мухосранском исправлюсь, бя буду.

И он действительно исправился. Великий Мухосранск был переименован в скромный Прохуяровск. А вот ЧВС только через два часа, в словаре Даля прочел, что «галимый» – то же, что пустой, голый. «Велика и могуча русский языка», – вспомнилась ему фраза классика. А потом с грустью подумалось, что даже Академия Генштаба не дает настоящей глубины знаний. «Да, ближе надо быть к этому... как его... народу». Мысль понравилась, и он ее записал, чтобы включить в доклад на очередном партактиве.

Голь

Коля Бурысов был краснолиц, лысоват, круглощек и квадратен. Этаким шкаф на крепких ножках.

Походка у него была своеобразно-переваливающаяся, почти утиная. Зато он никогда не шатался, даже после двух литров спирта.

Кроме того, он был стар – полных 32 года. Люди столько не живут.

Хуже всего – он был богат. Не одно поколение молодых и не очень офицеров, видело сберегательную книжку на сумму 32 041 руб. 16 коп., которую он демонстрировал по пьяни. Наверное, деньги с камчатской надбавкой ему начисляли с младенческого возраста. Это сильно впечатляло и заставляло стремиться.

Он закончил училище им. Дзержинского (механическое) и перешел в политработники, т. е. стал варягом. Это чужой среди своих и чужой среди чужих. Но Коля был с твердым (титановым) механическим стержнем внутри и чужд сентиментальности. Он шел по службе как танк, не щадя себя и объезжая слабые придорожные кустики. Все наши бригадные командиры подлодок были выращены им и помнили это, как и времена пребывания в бессознательной должности командира боевой части или помощника под опекой Коли. На флоте доброго не забывают. Его побаивался даже комбриг, которому довелось послужить с Колей старпомом. Он был обязан Коле званием адмирала. Именно Коля вовремя не дал ему спиться. Коля был щитом и мечом на совещаниях в политотделе, когда гадкие начальники пытались привлечь к партответственности молодого неоперившегося зама, вся вина которого состояла в отсутствии опыта и не утерянной вере в положительные качества личного состава. Слушая бред, вменявшийся в вину бедняге, он начинал краснеть, переливаться сине-багровым, а затем тихо просил замов ПЛ выйти из кабинета. Что происходило за закрытой дверью, могут поведать только те, кто за ней оставался. Они, увы, молчат до сих пор. Но звук падающих предметов и синяки под левым глазом секретаря парткомиссии и правым глазом замначпо еще несколько дней свидетельствовали о том, что разговор был нешуточный и серьезный. Зама больше не трогали.

Ага, умник из читателей поднял голову и верещит, что этого быть не могло и чистая травля. Наверное, Вы из БЧ-2 в прошлом? Я дам адреса бывших политотдельцев. Хотя, глядя на Ваше лицо... Пожалуй, позвоню-ка я Бурысову... иногда мудрость с возрастом не приходит... Выйдите, пожалуйста... Я ведь тоже Колин ученик...

А вот представьте, что вы, заместитель начальника политотдела, доложили, что избиты лодочным замом. Ну и где вам дальше служить, если вас настолько не любят? Поняли? Ну ладно, сидите, так и быть, в уголке, но тихо...

Продолжаю...

Любимым Колиным заветом командиру ПЛ, когда на лодку приходил молодой зам, было: «Саша (Гена, Вова), не ломай пацана. Я прошу...» После этого командир наливал Коле стакан шила, и Бурысов удалялся. И не ломали. Учили. Коля просил.

Если зам оказывался говном и карьеристом, стучащим на командира, экипаж и коллег в политотдел, к нему приходил Коля. «Ты говно, сволочь и карьерист», – говорил он гаденышу в глаза, одновременно тыча в подлую грудь, где билось змеиное сердце, коротким, красным, как клешня вареного краба, толстым механическим пальцем. Дня через три гаденыш из бригады исчезал навсегда. Куда – спросите в политотделе.

Однако и у Коли была слабость. Нет, я не о выпивке. Колю не могли перепить даже 4 человека. Правда, он предпочитал пить с тремя – меньше тел домой разносить. Да и выпивка никогда не считалась слабостью для офицера.

Его бедой и кошмаром (и у великих людей есть свой скелет в шкафу) был киномеханик-почтальон, единственный матрос, находившийся в прямом подчинении замполиту. Парню было 26 лет – почти предельный призывной возраст. Он был юным хроническим алкоголиком с незаконченным высшим образованием. Отчаявшиеся родители отправили его на Камчатку, на подводные лодки, чтобы отдохнуть от проблемы и чтобы чадо привели в меридиан. Денег еще заплатили в военкомате, чтоб призвали, однако, не помогло. Он ставил брагу из зубной пасты, из перца, из изюма, из пшеники, из пшеницы, из риса, из кваса, из гороха. Емкости для браги использовались различные: штатный огнетушитель, висящий у всех на виду, бачок аварийного неприкосновенного запаса воды, дупло дерева у пирса, заботливо обмотанное ветошью, «грязная» цистерна № 2, куда сливаются нечистоты (знал, подлец, физику теплообменных процессов). Однажды он использовал для приготовления браги стиральную машину помощника, которую тот опрометчиво притащил в казарму для ремонта. Если брагу находили в процессе вызревания, он глотал горсть дрожжей, стакан сахара и запивал это литром воды.

Кайфовал дня три, добавляя в желудок только воду – процесс брожения продолжался. Кайф тоже.

В получку он отдавал деньги матросам с «Авачи», и они привозили ему водку из Петропавловска. Водка пряталась у пирса в многочисленных сугробах. С лодки его просто не спустили, он жил на ней, но в состоянии опьянения. При стоянке у пирса в лодочный галльон не ходят, пользуются «удобствами» на пирсе. Он выходил трезвым пописать – и возвращался пьяным.

Колю критиковал выращенный им же из помощников командир. Это было невыносимо, запахло. И Коля, как ему казалось, нашел хорошую воспитательную меру.

Раз в месяц ПЛ получает для протирки приборов канистру спирта. Бензина в нее влазит 20 литров, а спирта – 30 кг. Коля взял с собой киномеханика и пошел выполнять не царское дело – получать спирт. Вручив гаду в руки драгоценную емкость с флотской крепкой валютой (куда там доллару или евро!), Коля не спеша двинул за ним в сторону лодки. До лодки было два километра чистой снежной колеи. Справа от дороги блестела и переливалась двухметровая толща снега, слева плескалось море, сверху пригревало солнышко. Приятно, как воробьиное щебетанье, раздавался вороний «кар!». Слева с гвалтом что-то делили бакланы. Киномеханическая сволочь несла канистру со спиртом, не имея возможности выпить, скособочившись и потея.

Было хорошо, просто праздник какой-то!

Солнышко заставляло щуриться, многократно отражаясь от снега. Море плескалось. Прибой рокотал тихо, как мурлыкающий кот.

Так и вышли на пирс: киномеханик впереди, Коля сзади. И вдруг киномеханик, аккуратно поставив канистру на снег, упал возле нее, не дойдя трех шагов до трапа. «П...дец, переборщил с воспитанием, инфаркт у муделя, не выдержал близости спирта!» Ни на мгновение у Коли не мелькнула мысль о конце карьеры – он уже давно не помнил не то что этого понятия, но и самого слова. «Спаси негодяя любой ценой!» – решил он.

Кстати, а где у нас этот, ну, из БЧ-2, который в уголке? А вы что бы подумали? Вот то-то...

Подбежав к матросу, Коля хотел сделать ему искусственное дыхание рот в рот, но жуткий, свежий, терпкий спиртовой перегар ударил в нос.

Вызванные Колей матросы, посмеиваясь, унесли тело на лодку. «Как?» – эта мысль свербила у Коли сутки. Он не ел, не спал, рычал на командира и подчиненных. Это было хуже и сложнее уравнения Ферми или бинома Ньютона. Он бы и их решил и доказал в ту ночь, если бы не заданная киномехаником задача. Куда там гребаным математикам и физикам!

Он даже не пил в тот вечер. Решение не приходило. Пришлось дожидаться утра, ждать, пока матрос проспится.

Утром Коля был спокоен, как слон. Кулаки, величиной с голову младенца, мирно покоились на столе. Он нашел способ получить признание. Способ был настолько жесток, что ему позавидовал бы матерый гестаповец. Спирт вызывает настолько сильное обезвоживание организма, что на утро язык кажется шершавой ногой в верблюжьем носке, выросшей за ночь во рту. Ногой чужой и с пакостным запахом. Спасение одно – вода. Холодная! Много, взхлеб, заливаясь, пока не отпустит. И поддержать во рту, чтобы высохший язык напитался влагой, и во внутрь, чтобы пищевод отлип от позвоночника, и до рвотных спазмов, когда она уже булькает в горле и не глотается!

Киномеханик сидел напротив. Между ним и Колей стоял большой, граненый, запотевший, только что из холодильника, вожденный стакан ВОДЫ. Рядом – такой же запотевший графин.

– Расскажешь – попьешь, – Коля был холоден, как айсберг, и спокоен, как мумия.

– Вы – фашист, – заплакало убоище и раскололось.

– Вы решили унижить меня, уничтожить мою репутацию этой канистрой: нес и не выпил. Прямо «Лисица и виноград» дедушки Крылова. (Надеюсь, читатель, вы помните о незаконченном высшем, далеко не все матросы такие.) Я думал, как разрушить ваши коварные планы. Канистра оттягивала руку, становилось жарко, а решение не шло. Я нервно поддел большим пальцем крышку канистры, и вдруг она, с чмоканьем, открылась. Пить на глазах у вас из канистры я не мог по нескольким причинам: неудобно, и я не идиот: немного бы я выпил перед тем, как вы меня б убили. Поэтому от безысходности я хватанул правой рукой снега из двухметровой его толщи справа и съел снежок, чтобы утолить жажду и успокоить нервы. И тут... Помните яблоко Ньютона? Открытая канистра и снежок соединились в одно целое! Оставалось только лепить снежки, плескать на них из канистры, разводя спирт, и есть! Сколько съел за полтора километра, не помню... Дайте, пожалуйста, воды и выпишите мне учебник по физике для пятого курса!

Как говорил Коля, тут ему и раскрылся смысл этого таинственного выражения «Голь на выдумки хитра». До этого в виде голи представлялась обнаженная женщина, черт те что вытворяющая в постели. «И тут я понял, что „голь“ – это матрос. А кто еще у нас голый и босый? Настоящая голь! – откровенничал он за рюмочкой и уча нас жизни. – А как хитра!

А киномеханик, получив учебник по физике (Коля слов на ветер не бросал и обещание выполнил), пить бросил совершенно.

Он теперь читает лекции о ньютоновском яблоке то ли в Бостоне, то ли в Кембридже, но нам это не интересно. Нельзя такой сволочью на службе быть. Если б его второй раз призвать, мы б его службе-то научили! Почерпал бы говно из двухтонной «грязной-2» трехлитровой банкой, как наш зам, Колин ученик, любил практиковать в целях воспитания. Вмиг бы о своей Нобелевской забыл. А может, и простили бы... Моряки – люди отходчивые.

А что там за смех в углу? Опять этот, из БЧ-2? Пропустите меня туда, пока указка в руке, она толстая... На! На! На! Что?! Братцы, да это химик!.. Только до смерти не забывайте его, хлопцы, я вас прошу...

Ода (или «О, да!»)

Спирт можно любить или не любить, но не пить его нельзя. Это старинная флотская традиция, а традиции на флоте чтят. Предпочитающие коньяк или водку – чистой воды ренегаты.

*А кто это там, в углу, да, вы, который в бинтах смеется? А, это давший химик...
Спокойно, ребята, пусть сидит. Второй раз химика побить, все равно, что сироту обидеть...
Пусть хоть раны заживут, потерпите немного...
Так вот продолжаю.*

Спирт является универсальной валютой, за которую на флоте можно достать и получить все. Зачастую бутылки, с пробкой из свернутой в плотный рулончик бумаги (и никак иначе!), кочуют от одного хозяина к другому месяцами. Валюта обращается. Ей не страшны инфляция, девальвация, дефолты и биржевые кризисы. Она вечна и постоянна – 96 – 98 градусов, хотя иногда и подвержена атакам фальшивомонетчиков. С такими разговор короткий – мешок на голову, колосник к ногам – и за борт! Нельзя его разбавлять при сделках! Будешь пить – тогда другое дело, а в виде валюты – нельзя.

В море трехлитровую банку спирта можно обменять у камчатских моряков, ведущих промысел, на четыре, а то и пять тонн рыбы. Это пример покупательной способности «валюты».

Спирт – могучий ускоритель любых работ, особенно при заводском ремонте. Думаю, он обладает способностью сжимать время. Проблема, над которой бьется мировая наука, делая робкие теоретические шаги, на флоте давно решена практически. Иначе чем же можно объяснить снятие рваной и установку новой резиновой юбки на корабль на воздушной подушке в течение одной ночи, если меньше, чем за месяц по всем нормативам эти работы выполнить просто невозможно? Правда, сжатие времени стоило бочки спирта, утром отданной заводским рабочим. Почему утром? Потому, что спирт в силу своей загадочной природы может время и растягивать. Впрочем, моряки давно сделали этот процесс управляемым. Главное – никаких авансов. Выполнил – получи, но не наоборот. За спиртом идет настоящая охота. Он нужен всем, и его всегда мало. О том, что в первую очередь он нужен корабельной технике и приборам, никто не помнит. Больше того, при использовании спирта по прямому назначению за вами навсегда закрепляется звание полудурка (см. словарь). А приборы можно и одеколоном протирать. Пусть и французским. При промывке магистралей кислородных станций, у забортных отверстий, через которые выдувается использованная драгоценная жидкость, устанавливаются емкости – нельзя добро расточительно расходовать. А в кислородную магистраль входит больше 200 кг!

Сафари имеет свои правила. Спирт получается раз в месяц.

Дата получения тщательно скрывается от всего личного состава, но все точно знают ее дня за три до знаменательного события. Готовятся операции по изъятию части спирта и меры по его сохранению. Ко вторым относятся:

- засыпание в канистру толченого кирпича, придающего спирту цвет низкосортного бензина. (Ха, дешевая уловка! Запах-то не замаскируешь!);
- писание в канистру на глазах экипажа. (Ничего, спирт, он все дезинфицирует!);
- добавка в канистру ацетона (зверский гестаповский метод, перевод продукта и скорый перевод с понижением офицера, этот метод применившего);
- немедленная выдача спирта по ведомости «бычкам», чтобы сохранить его хотя бы частями;

– хранение спирта на квартире (метод ненадежен, так как квартира быстро вычислялась, и визиты друзей хозяина со своими друзьями, а также друзей друзей друзей хозяина квартиры не прекращались сутками, до полного, до последней капли, уничтожения продукта.)

Наиболее надежен способ номер четыре – раздать. А потом проверять наличие и качество. Способ достаточно прост – берется чайная ложка, в нее наливается спирт и поджигается. Если в ложке остается вода – значит, спирт уже разводили. Старпом пишет приказ, стоимость спирта удерживается из оклада виновного. Главное, не забыть в приказе указать, что делать с «испорченным» спиртом.

Однажды наш старпом об этом забыл, и 20 литров слегка, до 85 градусов разбавленного спирта, мы пили неделю на квартире у виновного, а он кричал: «Пей, ребята, за все заплачено!»

Операции по изъятию готовятся матросами и проводятся виртуозно. Вот пара примеров. Спирт был получен. Канистра опечатана и закрыта в командирской каюте, в шкафу, который был так же заперт на ключ. Утром в канистре была вода, а дежурная смена, состоявшая из годков, лыка не вязала. Никакой мистики в этом не было. Понадобились дрель, тонкий шланг и пара флотских десятилитровых чайников для откачки одной жидкости и последующей ее замены водой. Сверлили через переборку, которая одновременно являлась задней стенкой командирского шкафа. Если бы матросы выпили меньше, мы бы еще долго пребывали в уверенности, что спирт под надежными замками, как сердце Кощея (игла в яйце, яйцо в утке и т.д.) Стенку шкафа укрепили титановой пластиной, дырки в переборке и канистре заварили. В следующий раз командир поставил канистру ближе к дверце шкафа.

Утром, открыв дверь каюты, он чуть не упал от ударившего в нос спиртового аромата. Канистра была пуста. В этот раз сверлили снизу, из аккумуляторной ямы, четко рассчитав местонахождение канистры и проявив недюжинные познания в математике, стереометрии, пространственном мышлении и знании устройства корабля. Одного не учли – снизу трудно вставить шланг в дырочку, заливают руки и глаза.

Жидкость пошла самотеком, большая часть ее пропала. В каюту командира еще неделю нельзя было зайти – от спиртовой вони глаза слезились.

Со спиртом, который хранился в сейфах командиров БЧ в стеклянной таре, такие изыски не требовались. Приборщик каюты тряс сейф (он маленький, размером в половину матросской тумбочки), до разбития тары друг о друга или стенку сейфа, а затем сливал жидкость через щелку или замочную скважину. Наличие битого стекла и отсутствие спирта всегда списывались на качку. Доказать обратное было возможно, но трудно.

Не могу не остановиться на технике переливания спирта из канистры в бутылку. Это мероприятие требует знания физики или опытного наставника рядом. Иначе вы будете сосать чистый спирт из шланга, вставленного в канистру, обжигая рот и горло, а когда он пойдет, естественно, разольете граммов сто. Трудно ведь сразу попасть шлангом в узкое бутылочное горлышко. И так будет при наполнении каждой очередной бутылки. Перелив идет в каюте

командира, спиртовая вонь нарастает и режет глаза, на коврикe расплываются свежие пятна, командир злится и иронизирует:

– Сразу бы сказал, что выпить хочешь, я бы тебе налил. А разлитое из оклада вычтем.

Он меня и научил простому и гениальному способу розлива, устав от созерцания неравной борьбы со шлангом. Со вздохом: «Учись, студент», – он вставил шланг в канистру, другой конец в бутылку, до дна, резко соснул горлышко бутылки, и – о чудо! – жидкость полилась. «Вакуум всегда должен быть заполнен! Эх ты, а говорил, что по физике „пять“ было», – подытожил он. А я навсегда понял, что наука – мощное оружие в умелых руках практика.

Кстати, спирт – он «спирт» только в ведомости на получение, в канистре и в акте на списание. На самом деле он носит нежное название «шило». Истоки мне неизвестны, но, предположительно, из-за остроты воздействия на мозг (уколотся и забылся), огромного обменного потенциала (шило – на мыло, мыло – на ... и т.д.), невозможности скрыть запах (шило в мешке не утаишь). Впрочем, это не важно.

Господи, химик, уймись, а то опять придется над вами надругаться...

Шило надо уметь разбавлять, если вы недостаточно закалили свою глотку на морском ветру и не можете пить его в первозданном виде. Кстати, не разведенным его пьют в основном медики.

Что? И химики? Ну, не знаю, не знаю... Заявление амбициозное... Ну, хлебни из фляжки, сынок... По спине! По спине стучите, чтобы спазм снять! Голову держите, вот вода в графине...

Побагровел, но кашляет, значит, жить будет... Итак, практика показала, что заявление было еще и лживым. Приоритет, как я и говорил, остается за медиками.

Остальные разбавляют его водой (шило питьевое), сухим вином («огни Москвы»), шампанским («северное сияние»), пивом («шпок»). Рецепт прост: на палец пива в стакан, на полпальца шила и ударить об коленку. Будет звук шпок и много пены. Способ применим при большом количестве желающих выпить и малом количестве спиртного. Обязательно наличие хотя бы бутылки пива. Неизвестные химические процессы позволяют напоить человек шесть всего 250 г шила.

Шило питьевое готовится следующим образом (и не наоборот!): в стакан наливается шило, затем вода по вкусу, а сверху стакан прикрывается ладонью. Идет быстрая реакция соединения продуктов, сопровождающаяся большим выделением тепла. Жидкость приобретает молочный цвет, а потом возвращается к первичной прозрачности. Теперь можно пить, не раньше.

Химик, а вы-то зачем записываете? Ведь химические реакции – ваш хлеб, уж могли бы запомнить, что во что льют...Ладно, специально для вас...

Если у вас родился сын, метет пурга, магазины закрыты, друзья пришли поздравлять, а у вас всего одна бутылка шила, не расстраивайтесь. Смело разводите шило питьевое в сифоне для газирования воды, вставляйте свежий баллончик и друзья, сколько бы их не было, останутся ночевать у вас. Даже самые стойкие.

Кстати, важная деталь: жест по накрытию стакана у настоящего офицера отработан до автоматизма. Мозг в этом действии не участвует. Помню, на Камчатке, ЧВС читал доклад на партактиве по борьбе с пьянством. Когда клерк, где-то в середине вдохновенного доклада, налил ему воды в стакан, Член машинально накрыл стакан ладонью. К счастью, Член был бли-

зорук, и не видел, как зал, кроме первых рядов, сполз вниз и корчился в конвульсиях от смеха. Пьянство тогда так и не победили.

Самое страшное, что может с вами случиться, так это превращение в фальшивомонетчиков без злого умысла. Мы стояли на размагничивании. Якобы это не позволяет магнитной mine увидеть подводную лодку и взорвать ее. Лодку, как высококачественную вареную колбасу веревочкой, обматывают толстыми электрическими кабелями, а затем спецсудно под названием СБР (судно бесконтактного размагничивания) пропускает по ним ток. Процесс длительный и может занять суток трое. Используя процесс сжатия времени спиртом, мы договорились потратить на него три часа и, соответственно, три литра. Консенсус всех устраивал: завтра была суббота и возможный сход на берег.

СБР добросовестно отыграл свою партию, успев размотать и смотать кабель. Мы расплатились и собирались дать ход, как вдруг рев раненного индейской стрелой в мошонку бизона, в роли которого выступал командир СБРа, усиленный многократно громкоговорящей связью, заставил сойти снег с прибрежной сопки и слегка разгулял волну. Лодку качнуло. Смысл рева заключался в том, что в следующий раз размагничивание займет месяц, столько же будут размагничиваться наши родные, родственники, дети до седьмого колена и другие лодки из бригады. Первым, как и положено, причину ужасных обещаний понял командир: «Спирт!»

– Зам и механик, бегом ко мне в каюту!

Они прибежали. Канистра уже была извлечена из заветного шкафа, спирт налит в рюмки.

– Пейте!

– Разбавлен, – сказал зам.

– Всего 26 градусов, – сказал механик.

– С-с-суки, а не матросы, – сказал командир. – Опять просверлили дырку и доливали воду. Найдём гаденышей – собственноручно удавлю!

Конфликт был утрясен с помощью трех ящиков вина и заверениями в отсутствии злого умысла. Командир СБРа оттаял и простил.

– Нельзя так, мужики. Стою на мостике, принесли банку, я хлебнул шила, а там вода галимая, 28 градусов!

– Двадцать шесть, – поправил наш механик. Он во всем любил точность, а уж своим вкусовым рецепторам верил больше (у них погрешность отсутствовала напрочь), чем какому-то там спиртометру.

Мы расстались друзьями, но впредь перед расчетами за услуги, во избежание инцидентов, всегда давали механику спирт на пробу.

Самая страшная история, связанная со спиртом, произошла во Вьетнаме, на одной из плавмастерских. На корабль там получали килограммов 200 в месяц, но командирам боевых частей не раздавали. Обиженный механик сообщил в политотдел, что командир с замполитом выпили вдвоем всю месячную норму и нечем протирать приборы и технику. Начпо поручил политотдельцам определить, возможно ли такое. Политотдел сел за расчеты. Для начала под-

считали количество бутылок (приблизительно). Получилось четыреста поллитровок чистого продукта. Затем развели спирт водой 1:1. Получилось восемьсот. Восемьсот разделили на 30 дней в месяце. Вышло 26,7 бутылки в день. Вынесенный вердикт гласил: невозможно. Механик был уличен во лжи и отправлен из солнечного Вьетнама на пасмурную родину. Привезли его в смиренной рубашке. Он так огорчился ответом политотдела, что впал в неистовство и решил своими силами установить справедливость.

Выглядело это следующим образом. Командир и зам перед обедом налили себе по рюмашке. Дверь в каюту без стука распахнулась, в проеме возник механик с блуждающим взором.

– Пьете, – констатировал он. – Так вот вам от меня закуска! – что-то бросив на пол, он быстро захлопнул дверь.

Что-то оказалось гранатой. К счастью, иллюминатор был открыт, и зам, не потеряв хладнокровия, успел вышвырнуть ее за борт. Там она и бабахнула.

Механика нашли и связали, потом сдали медикам.

Я с тем замом встречался. На вопрос, соврал механик насчет количества выпитого или нет, он ответил просто:

– Мы же советские люди. А для советских людей невозможного нет.

Механик увлекаться спиртным начал, о норме забыл. Пришлось его ограничить, а он и сломался.

Эпизода с гранатой мы не касались. Мелочь.

Кстати, любое застолье на флоте, сколько бы ни было, допустим, водки, всегда заканчивается шилом. Ну никак без него. Помню, отмечали перевод начпо в Москву. Выпито было все, требовалось добавить. Счастливым обладателем трехлитровой банки оказался Бурысов, но шило находилось в сейфе, на лодке, в двух километрах от стола. Коля смело шагнул в пургу...

Ожидание было затяжным, но вот и долгожданный звонок, и быстро распахнутая дверь и... лестничная клетка полыхала. СИНИМ ПЛАМЕНЕМ! В центре пожара стоял Коля. Синие языки огня, достающие до потолка, красиво огибали его фигуру по контуру. Прямо наглядное пособие «так выглядит аура человека». По шапке, плечам и полам шинели бегали сине-багровые огненные змейки. В зубах у него была зажата папироса. Прикуренная.

Подводники к огню привычные, подъезд и Колю потушили быстро. Чуть больше времени потратили на занявшуюся дверь квартиры. Колин рассказ был краток и прост.

Пробежав четыре километра по пурге, причем два из них с трехлитровой банкой в руках, и попав наконец-то в теплый подъезд, Коля решил закурить. Когда он чиркал уже третьей отсыревшей спичкой, она загорелась, да вот банка выскользнула из-под мышки...

– Мне-то что, после улицы согрелся... А вот шила жалко.

С той ночи Коля больше не курил. Никогда. И возглавил кампанию по борьбе с курением в бригаде.

Пожалуй, хватит на сегодня. Освещаемая тема практически бесконечна, но на сухую уже не идет. Вопросов нет? Тогда до встречи, только химика до такси доведите, а то так на стульях и простит до утра, бедняга...

Диверсант

Учения по борьбе с диверсантами у нас проводились достаточно регулярно. Я думаю, работникам особого отдела надоедало бесполезно бороться с врагом внутренним из-за его отсутствия, и они переключали наше внимание на гипотетического диверсанта. Надо же чем-то зарплату оправдывать. Они и так стеснялись – людям доверены тайны высшего порядка и ядерное оружие, а за ними нужно следить, ежемесячно отчитываться перед начальством об их незрелых заявлениях и антиправительственных настроениях. Например:

«Замполит „Б-101“ жаловался товарищу, что для новых орденов Леонида Ильича не хватает места на портрете, и он вынужден приклеивать бумажечку на багет портрета, а затем дорисовывать очередную звездочку. Скоро закончится не только багет, но и стенка рядом с портретом.

– Замполит „Б-33“ в казарме постоянно слушает песню полузапрещенного автора Высоцкого В. С. „Растопи ты мне баньку, хозяйюшка“, или „Банька по-черному“, или „Банька по-белому“ – по-разному в разных источниках.

– Минер „Б-50“ в пьяном виде кричал: „Всех бы пострелял!“, но без фамилий и указания рода оружия. Алекс».

Начальство реагировало немедленно: «Центр – Алексу. Рекомендовать политотделу проверить ленинскую комнату у первого. Принять зачет по знанию секретного делопроизводства у второго. О результатах, которые должны быть негативными, доложить секретной почтой. Третьего наказать за что-нибудь и записать, что будет кричать. „Баньку“ переслать в наш адрес – не слушали, а с цветом разберемся».

И наши Алексы и Юстасы бросались выполнять эти ценные указания – ЦУ. Мы на них не обижались: на флоте очень много нужного, но совершенно бесполезного, а также нужных, но бесполезных людей. (В список можно добавить и офицеров-химиков.)

А «Баньку», как люди чистоплотные и зачастую лишенные возможности помыться месяцами, мы любили и в пику им начинали слушать во всех экипажах.

Шпиона мы почему-то представляли таким: предположительно американец, но с японскими генетическими корнями. Этаким низкорослый негр с раскосыми глазами и очень злым лицом, обвешанный магнитными минами, в камуфляжном гидрокостюме и со звездно-полосатым флагом (а как же без флага? Что он будет водружать на штабе бригады в случае своей победы?) за пазухой. Морской котик среди наших камчатских нерп. Чужой флаг над штабом бригады приводил нас в негодование.

По тревоге мы получали пистолеты, стреляющие металлическими стрелками вместо пуль, и специальные гранаты, взрывающиеся на заданной глубине. Потом долго мерзли и скучали. Иногда бегали по заснеженным сопкам, гоняясь, как правило, за лисой, принятой за шпиона. Лиса на бегу гадила от страха. Хуже было, если суматоха поднимала из берлоги медведя или беспокоила росомаху. Тогда гадили уже мы.

Наша бдительность возрастала многократно. После пяти-семи таких тревог казалось, что проклятый негр сидит под кустом, прячется в куче мусора, скрывается за дверью подъезда, плещется у борта самого святого – твоей подводной лодки, замаскировался под старшего офицера и только поэтому не отвечает на окрики пьяного старшего лейтенанта: «Эй, ты! Стоять! А ты кто такой? Покажи личико, я сказал!» По любому такому случаю игралась тревога, и личный состав экипажей начинал рыскать по поселку. Оказывалось, что под кустом присел матрос-таджик, привыкший гадить на природе, в куче мусора прилег пьяный флагманский химик, не нашедший в себе сил двинуться дальше, а за дверью подъезда (чужого!) прятался пропагандист политотдела, заходивший к жене доктора, находившегося в море. Заходил, конечно же,

за таблетками или солью. И не прятался вовсе, а из кармана монетка выпала, подобрать хотел, дверь подъезда открыл, чтобы света больше было, и т. д.

Старший офицер действительно был старшим офицером из штаба флотилии, проверяющим нашу бдительность и уже отвыкшим от обращения «эй, ты!»

Личный состав, войдя во вкус игры, оставался глух к протестам и объяснениям и всех ташил в штаб бригады, к оперативному дежурному. А уж тот решал, отпускать их или нет. Я думаю, что у него был фоторобот того шпиона. Иначе как бы он так лихо на свой страх и риск отпускал задержанных?

Хуже было с тем, который плескался. Его заметил помощник (назовем его Прошкиным) с соседней лодки и поднял тревогу.

– Бля буду, мужик, негр, вот с такими усами, морской котик, сказал типа «фырк!» и погрузился в районе кормы. Я с корня пирса мочился, а тут... – захлебывался помощник.

– Не «фырк!», а «fuck!» – помрачнел искушенный в языках замкомбрига. – Тревогу играть надо. Точно, американец.

Сказано – сделано. Весь поселок был выдернут из теплых постелей, а матросы – из коек. Затопали сотни ног, обутых в матросские «гады», закрипели двери оружейных сейфов, защелкали рожки, пристегиваемые к автоматам, начались хождения усиленных патрулей и беготня.

Сообщили на флотилию, те – на флот. Более того – **РАЗБУДИЛИ КОМАНДУЮЩЕГО ФЛОТОМ!**

Он, в силу должностного положения, позвонил **ГЛАВКОМУ**. Тот – **МИНИСТРУ ОБОРОНЫ!** Вооруженные силы страны были приведены в состояние **ПОЛНОЙ БОЕВОЙ ГОТОВНОСТИ!**

Обстановка в мире была напряженной. Один диверсант мог уничтожить магнитными минами целую бригаду кораблей. Именно это сделал в порту Камрань мой друг Ван, герой Вьетнама. Появление диверсанта в отдаленной базе подводных лодок очень напоминало ответный ход.

Сначала штабисты Главного штаба ВМФ, а затем всех родов и видов Вооруженных Сил, сгрудившись у карт, пытались вникнуть в указания Генерального штаба. Дело было трудным изначально. Дело в том, что в военной доктрине того времени было записано, что войну мы первыми не начнем, но наш удар будет упреждающим. По логике, упредил – значит, ударил первым, то есть первым и начал. Мы в такие дебри военной науки старались не лезть, для этого штабные есть, но и им было трудно с подобной казуистикой. Но военные – люди решительные. Не знаешь, что делать – командуй хоть что-нибудь. Скомандовали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.